

— Ладно, тогда можем созвать Цяньня и Кэ Ханя, соберём столько, сколько получится. — Кажется, кроме той встречи выпускников, так полно они редко собирались. В последнее время никто не женился, и он почти никого не видел.

Сказать, что не скучал, — солгать. Ещё со старших классов он очень любил эту компанию.

Это были его самые яркие воспоминания.

В тот день после обеда Тань Цзяцзя и Сяо Цзешэн, как и договорились, привели Сяо Юйхэ в клинику Пэн Цзэфэна.

Увидев Сяо Юйхэ, Пэн Цзэфэн удивился, но не подал виду. — Можете уйти, я хочу поговорить с ним наедине.

— Это... — Тань Цзяцзя заколебалась.

Сяо Цзешэн обнял её за плечи. — Всё в порядке.

Затем он присел, чтобы поговорить с Сяо Юйхэ. После недолгого разговора мальчик кивнул и, потянув за подол матери, сказал:

— Мама, я один справлюсь.

Тань Цзяцзя, беспокоясь, оглядывалась через каждые несколько шагов, но в конце концов ушла с мужем.

В комнате остались только Пэн Цзэфэн и Сяо Юйхэ. Вернее, можно сказать, трое.

У Сяо Юйхэ было раздвоение: два совершенно разных образа проявлялись в одном теле.

И эти два образа совпадали с описанием ребёнка и фотографией, которые ранее показывала Тань Цзяцзя.

Как общаться с обоими одновременно? Пэн Цзэфэн мгновенно принял решение — гипноз.

Потенциал человеческого тела позволяет управлять двумя руками, выполняя разные действия. Ему нужно было лишь направить два сознания, чтобы каждое контролировало одну руку и записывало ответы на его вопросы.

Он приложил ладонь ко лбу Сяо Юйхэ и запел древнюю песнь. Нельзя было разобрать слов и даже понять, на каком языке они пелись. Казалось, это язык, не принадлежащий ни одной стране мира, — таинственный и странный.

Люди действительно сложны и порочны.

Изначально Дао думало именно так, но, похоже, всё было не так.

Раньше оно и душа в теле делили время поровну, каждому доставалось по двенадцать часов, и они могли наблюдать за происходящим со стороны, зная, что переживает другой. Нечто вроде симбиоза, но без возможности общения и понимания мыслей друг друга, поэтому Дао всегда судило о людях со своей точки зрения.

Неизвестно, дело в везении или люди действительно столь порочны, но большинство событий, свидетелем которых оно становилось, были неприятными. Многие встреченные им люди

оказались негодьями. Преступления, рождённые завистью, ненавистью, а то и просто печалью, заниженной самооценкой или тревогой, встречались сплошь и рядом.

Предательство тоже было обычным делом.

Человек согласился разделить с ним ядро средоточия души, но это не означало, что он всегда будет делать это добровольно. Мысль о том, что оно занимает половину его жизни и потому должно быть уничтожено, неизбежно возникнет, верно?

Тем более в этой жизни человек не помнил об их договоре. С какой стати ему терпеть в своём теле чужое сознание? Наверное, это он и создал раздвоенный образ, чтобы привлечь внимание к своей аномалии и уничтожить эту «вторую личность».

Но оно не уйдёт. Если покинет ядро средоточия, мир заметит, что оно обмануло правила, и тогда у него не будет будущего.

Кстати, слово «будущее» оно тоже выучило у людей.

Потому что человеческая жизнь делится на множество этапов, каждый из которых очень краток, часто изменения видны уже через несколько дней, время оставляет на них явные следы. Поэтому они делят свою жизнь на прошлое, настоящее и будущее.

Большинство ностальгирует по прошлому, прожигает настоящее и грезит о будущем.

Для них будущее неопределённо, возможно всё: они заживут хорошо, осуществят мечты, разбогатеют в одночасье, вознесутся над другими... Короче говоря, они возлагают надежды на будущее, и для многих оно становится чем-то прекрасным.

Но разве всего этого не нужно добиваться? Что за будущее может быть у ленивого и безынициативного настоящего?

Молиться?

Ха.

Презрение стало одной из первых эмоций, которые Дао испытало помимо любопытства. Оно считало людей, жаждущих получить всё даром и готовых ради этого заплатить высокую цену, отбросами.

Будущее нужно держать в своих руках, поэтому оно ни за что не упустит свой шанс. Если этот человек захочет его уничтожить, оно нанесёт удар первым — в конце концов, это и так его пища.

Именно так оно и решило, но психотерапевт перед ним сказал, что всё не так.

Всё было совсем не так, как оно думало.

Пэн Цзэфэн ввёл Сяо Юйхэ в гипноз, и Дао тоже погрузилось в этот странный мир.

Оно сохранило крупицу сознания, но почему-то в этом пространстве, где свет смешался с хаосом, оно не могло себя контролировать. Всё его внимание было приковано к голосу, доносившемуся неизвестно откуда, и оно естественным образом начало отвечать на задаваемые вопросы. В этот миг оно совершенно не ощущало присутствия Сяо Юйхэ.

«Сяо Юйхэ» начал писать обеими руками — два независимых сознания выражали свои мысли через одно тело.

Пэн Цзэфэн:

— Как тебя зовут?

Сяо:

— Сяо Юйхэ.

Дао:

— Дао.

Выглядят по-разному, имена разные — чёткое разделение на две личности.

Пэн Цзэфэн:

— Сколько тебе лет?

Сяо:

— 78 плюс 6 лет.

Дао:

— Не знаю.

Шесть лет — это возраст тела. А 78 — возраст прошлой жизни? «Не знаю» — потому что срок слишком велик, или у него вообще нет понятия о времени, или же время для него не имеет значения?

Пэн Цзэфэн:

— Ты мужчина или женщина?

Сяо:

— Мужчина.

Дао:

— У меня нет пола.

Дао — не человек? Тогда кто? Призрак? Или нечто иное?

Пэн Цзэфэн:

— Сколько человек в твоей семье?

Сяо:

— Четверо.

Дао:

— У меня нет семьи.

Четверо в семье? Конечно, это не включает бабушек и дедушек. Сяо Цзешэн и Тань Цзяцзя — единственные дети в семьях, так что никаких двоюродных братьев и сестёр в расчёте нет. Значит, Сяо Юйхэ включил в это число душу, живущую в его теле?

Чтобы уточнить, Пэн Цзэфэн задал ещё один вопрос.

Пэн Цзэфэн:

— У тебя есть братья или сёстры?

Сяо:

— Нет.

Дао:

— Нет.

Вот как? Значит, Сяо Юйхэ знает о существовании Дао и признаёт его.

Если он знает о другом сознании, то следующий вопрос не будет неожиданным и не «разбудит» его.

Пэн Цзэфэн:

— Хочешь ли ты, чтобы твоим телом управлял только ты?

Сяо:

— Нет.

Дао:

— Мне всё равно.

Сяо Юйхэ очень дорожит Дао, и для него это важное существо, с которым он готов делиться всем. Но Дао, похоже, — нечто более возвышенное, поэтому такие вещи его не волнуют.

Пэн Цзэфэн:

— Как давно вы знаете о другом сознании в вашем теле?

Сяо:

— 76 лет и 23 дня.

Дао:

— Лет несколько десятков.

Они были вместе в прошлой жизни?

Пэн Цзэфэн:

— Чем ты занимался раньше?

Сяо:

— Многим. Был мелким торговцем, чтобы выжить, потом учился, сдавал экзамены, стал чиновником. После опалы работал учителем, но потом, будучи оклеветанным, ушёл из деревни и снова стал торговать. Накопив достаточно, открыл ресторан, но вскоре меня отравили, дело прогорело. Продал ресторан и открыл магазин гробов, после чего жизнь наладилась. Прожил жизнь ребёнка, взрослеющего постепенно.

Дао:

— Наблюдал за людьми, исполнял их желания, чтобы продолжать существовать. Стал человеком.

Значит, это была целая жизнь. А теперь — вторая.

Пэн Цзэфэн:

— Почему образ Дао стал таким, каким его видят большинство людей?

Сяо:

— Не знаю. Может, наша совместимость снизилась? Не уверен.

Дао:

— Возможно, этот человек хотел от меня избавиться, поэтому что-то сделал.

Похоже, Дао не доверяет людям? Даже Сяо Юйхэ. Но, независимо от истины, Пэн Цзэфэн не согласен с ответом Дао на этот вопрос, потому что Сяо Юйхэ явно высоко ценит это существо в своём теле. Так почему же произошло такое?

Пэн Цзэфэн:

— Как ты считаешь, что такое твоё существование?

Сяо:

— Обычный человек. Вместилище.

Дао:

— Одно из правил мира.

Человек? Вместилище? Правило? Может ли правило воплотиться в живом существе? Что произойдёт, если правило сойдёт со своего пути?

Пэн Цзэфэн:

— Что будет, если ты не станешь делать то, что должен?

Сяо:

— Сочтут странным.

Дао:

— Мир уничтожит меня.

<http://bllate.org/book/16276/1465445>